

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Харченко К. В. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ТЕХНОЛОГИИ. Учебное пособие. Белгород. 2008.

В последние годы к социологии управления, как учебной дисциплине и управленческой практике, проявляется повышенный интерес и руководителей, и студентов, аспирантов, преподавателей. Начиная с последней четверти XX в. и по настоящее время, она как специальная социологическая теория логично встраивается в учебный процесс, особенно на управленческих, экономических, юридических и гуманитарных факультетах. Опубликовано немало учебников и учебных пособий. Чем же данное пособие отличается от других? Что нового предлагает автор в своей концепции учебного курса "Социология управления"?

Учитывая специфику предметной области социологии, К. В. Харченко на основе функционального и социально-психологического подходов проанализировал особенности социального управления в современном российском обществе, в частности, в государственном и муниципальном управлении. Он охарактеризовал сущность управления как совокупности социальных отношений, в которых одни субъекты занимают лидирующие и доминирующие позиции, а другие вынуждены выполнять подчиненные роли. Автору удалось рассмотреть основные проблемы соотношения теории и практики управления, выделить, сгруппировать законы и принципы управления, в сконцентрированном, сжатом виде представить историю основных теоретических концепций управления и рассмотреть базовые управленческие парадигмы. Особое внимание обращается на технологизацию способов управленческого воздействия и достаточно подробно рассматриваются понятия и технологии "мягкого управления", регулирования, позиционирования.

Управленческое воздействие на деятельность людей предполагает, как пишет автор, "регулирование их поведения через воздействие на сознание". Поэтому он посвятил ряд тем анализу таких категорий, как индивидуальное и общественное сознание; подробно раскрыл и в систематизированном виде представил структурные элементы сознания, а также основные приемы и методы воздействия на сознание людей. В книге данные социально-психологические категории вполне логично встраиваются в структуру учебного курса "Социология управления". С технологических позиций в издании анализируются основные фазы управленческого цикла, процесс управленческого консультирования как сложившаяся и развивающаяся практика, модели и социальный механизм социального партнерства, а также вопросы социологического обеспечения процесса государственного и муниципального управления и роль социальных технологий в социальном управлении.

Пособие состоит из двенадцати лекционных тем, списка рекомендуемой литературы и приложения. Оно отличается не только теоретическим уровнем, но и практической направленностью. Здесь представлены образцы анкет, направленных на изучение, выявление и сбор социальной информации в сфере управления. В приложении даны рекомендации по составлению анкет и представлен паспорт научной специальности 22.00.08 - социология управления.

Несмотря на достоинства, хотелось бы остановиться на имеющихся, на мой взгляд, недостатках. Автору не удалось рассмотреть и представить основополагающие функции и формы социологии управления, такие, как социальное планирование, социальное проектирование, социальное программирование и др., в связи с этим в пособии нет основных методов социального управления. Очень кратко освещена тема "Социологическое обеспечение муниципального управления". Можно было бы более подробно

рассмотреть методы социологического обеспечения социального управления. Например, в данной теме и в целом в пособии отсутствует такой метод социологического обеспечения, как социальный мониторинг, который активно используется в последние годы управленческими структурами. В теме "Социальные технологии - инструмент рационализации управления" не освещены основные этапы построения социальной технологии, не предложены примеры социальных технологий, хотя, исходя из практики, данная тема достаточно сложна для восприятия и понимания студентами. Я бы предложил автору представить алгоритм разработки социальной технологии и рассмотреть основные этапы построения социальных технологий, хотя бы в виде схемы. Тем не менее, в целом издание соответствует государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования и является необходимым и полезным для студентов и аспирантов, обучающихся по специальностям "Государственное и муниципальное управление" и "Менеджмент организации".

В. В. ЧЕРНОВ, кандидат социологических наук

С о к о л о в А. В. ИНТЕЛЛИГЕНТЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. 344 с.

Вряд ли русский литератор П. Боборыкин мог предположить, впервые упомянув понятие "интеллигент" в контексте публичного социально-политического дискурса, что тем самым заведет "моду" на дискуссии об исторической миссии, судьбе русской интеллигенции, длящиеся вот уже полтора столетия. Традицию дискутировать о роли интеллигенции в общественной жизни продолжает А. В. Соколов, предлагая, вслед за А. И. Фурсовым и др. (Фурсов А. И. Интеллигенция и интеллектуалы // Кустарев А. Нервные люди: очерки об интеллигенции. М., 2006) взглянуть и оценить значение проблемы интеллигенции как объекта социального исследования.

В качестве исходных методологических предпосылок принимаются следующие: проблема интеллигенции - одна из важнейших в социальной теории; интеллигенция занимает важное место в социальных практиках русской истории последних полутора столетий. Интеллигенция не только оказывалась в центре событий, определяющих социальные трансформации, но и монополизировала интерпретацию их социальных и идеологических смыслов, вследствие чего общество имеет "интеллигентоцентристскую версию того, что происходило в России и в мире"; ни одна проблема теоретической интерпретации не является столь мифологизированной, как проблема интеллигенции, начиная с определения этого феномена.

А. В. Соколов называет объект своего исследования Чудом и Чудовищем, отмечая, что нетрудно привести множество авторитетных высказываний, как "во здравие", так и "за упокой" феномена, именуемого русской интеллигенцией. В современной научной публицистике панегирики в адрес "подлинной интеллигенции" (сгусток знания, квинтэссенция народной совести, катализатор общественных перемен, ведущих нацию, народ, страну к свободе и справедливости) подчас приобретают уже не национальный, а метагалактический масштаб, когда интеллигенция именуется представителем ноосферы на Земле + носитель разума, прогресса, культуры и других ценностных категорий¹. Можно ли принять к сведению утверждение нашего современника, литератора В. Ерофеева, о том что "цикл существования интеллигенции закончился. Она выполнила свои задачи настолько блестяще, что самоликвидировалась за ненадобностью" (Ерофеев В. Энциклопедия русской души. М., 2005, с. 246)? Или присоединиться к пессимизму Д. Буланина, сетующему на то, что "в тех сумерках цивилизации, куда

¹ Ворова Т. Роль и место интеллигенции конца XX века в социуме // Интеллигенция России: традиции и новации. Иваново, 1997, с. 197 - 198.

погрузилась Россия, для интеллигенции нет места", и полагающему, что на смену придут предприимчивые и здравомыслящие интеллектуалы западного образца (*Буландин Д. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб., 2005. С. 14*)?

В качестве профессионала-социолога, не свободного от ответственности и перед обществом, и перед методом научного познания, хотелось бы напомнить, что стратегия социологического исследования, социологический метод познания предполагает необходимость определения объекта исследования. У А. В. Соколова он является бинарным: интеллигенция и интеллектуалы. Следовательно, следующий шаг предполагает необходимость: а) логической интерпретации этого бинарного объекта и его значимой части (интеллигенты) все же не в качестве мифологического социального идеального конструкта, а в качестве реальной (объективно существующей) социальной страты; б) категориальное определение и интеллигентов, и интеллектуалов должно быть операциональным, то есть позволяющим предпринять структурную операция-лизацию объекта исследования; в) заявленный в качестве предмета исследования, историко-социологический или социально-исторический анализ интеллигентов и интеллектуалов в российской истории, желательно, даже более того необходимо подвергнуть факторной операционализации, реконструируя "типичные образы интеллигентов и интеллектуалов в разные культурно-исторические эпохи" (с. 8).

Представляется, что без предварительного решения этих задач, конструктивное осмысление социальных судеб русской интеллигенции, степени ее социальной респонсивности, неполного соответствия с идеалами и практиками жизнедеятельности западных и отечественных интеллектуалов, остается проблематичным. Автор полагает, что дает необходимые и содержательные ответы на многие дискуссионные вопросы. Но сможет ли эта попытка социологического осмысления стать более адекватной интерпретацией, нежели философские и политологические дискурсы об интеллигенции?

А. В. Соколов, взяв в качестве эпиграфа к книге строфу "Мой дух не изнемог во мгле противоречий..." В. Брюсова, поставил целью своего исследования решение двуединой задачи: во-первых, рассеять "мглу противоречий", ступившуюся вокруг русского интеллигента; разграничив понятия интеллигент и интеллектуал (то есть дать им логическую интерпретацию, адекватную социальным реалиям - Н. М.); во-вторых, определить типичные образы и интеллигентов и интеллектуалов в разные культурно-исторические эпохи и их преемственность. Вполне резонно он полагает, что без решения этих целевых задач, дальнейшие споры о начале и конце русской интеллигенции, о сочетании интеллигентов и интеллектуалов в прошлом и настоящем, об их социальных функциях в российском обществе оказываются, и в этом он признает правоту А. И. Фурсова, "беспредметными и бесконечными, подобно поискам контактов с вземными цивилизациями".

Затем следует заявка на методологическую ценность организации собственного научного поиска ответов на вопросы о роли и судьбах русской интеллигенции, но оговорив, что ответы эти предварительны и гипотетичны, нуждаются в корректировках и дополнениях, но позволяют уточнить предметы дискуссий и постановку задач. Более уверен автор в том, что предложенные им формулы, схемы и типизации образов интеллигентов и интеллектуалов обладают достоинством однозначности и операциональности, и поэтому могут быть использованы при планировании социологических исследований и в социологической интерпретации феномена интеллигенции. Он приводит множество лексикографических толкований ученых смысла понятия интеллигенция, предпринимая одновременно попытку типологии их смыслов.

Отчего так устойчивы мифологизации образа интеллигенции и попытки социального конструирования старых и новых мифологем о русском интеллигенте, предпринимаемые не без участия представителей гуманитарной интеллигенции? По всей вероятности, они имеют целью формирование образа особой культурной и социальной миссии интеллигенции: либо в качестве идеала для восприятия его в массовом сознании россиян, или для самоидентификации, но, возможно, и для презентации не только российскому обществу, но и для символического позиционирования в европейском и мировом интеллектуальном сообществах. Но понятны ли им, нужны ли сегодня им, да и нам эти локальные, почти мистические смыслы?

На эти невольные вопросы заинтересованного читателя А. В. Соколов отвечает (во втором параграфе первой главы), определяя мифологию интеллигенции, как одну

из разновидностей социальной мифологии, где "мистические качества мифа не удостоверяются здравым смыслом, так что он требует веры; мифу доверяют, потому что он обладает силой художественного вымысла (нас возвышающий обман)"; выполняет миф две сущностные социальные функции: социализации и самосознания, а также прикладные, идеологические функции. Автор, по аналогии с принятой академической классификацией мифов, представляет свою версию вариативности, в широком историографическом и социокультурном контексте мифологии русской интеллигенции. Попытка верификации мифов о русской интеллигенции подводит уважаемого автора к неутешительному и риторическому вопросу: было ли добыто научное знание в результате систематизации интеллигентских мифов? Он отметил, что в его распоряжении оказался рыхлый и противоречивый эмпирический материал, не содержащий никаких теоретических обобщений. По его мнению (далеко не бесспорному - Н. М.), поколения русской интеллигенции и соответствующие им культурно-исторические эпохи, в зависимости от их идейного содержания, образуют две стадии эволюции русской культуры: палеокультурную (X-XVII вв.) и неокультурную. Несколько странно для меня было узнать, что памятником интеллигентской инициативы является, по мнению А. В. Соколова, социально-культурное движение Пролеткульт.

Можно, оказывается, разделить советскую интеллигенцию на четыре класса, но при этом социально стратифицирующими признаками являются не социальные показатели консолидации и/или интеграции по критериям и признакам групповой социальной солидарности и социокультурной идентификации, что и дает основание считать их признаками, критериями "классообразующие, группообразующие", а довольно произвольно определяемая классификация, апеллирующая к индивидуальной позиции конформизма/нонконформизма личности (1. Личность "вопреки"; 2. Личность "несмотря на"; 3. Личность "за"; 4. Личность "чего изволите"). Всегда опасна процедура экстраполяции (переноса эмпирических данных, собранных на малой "выборке", либо вообще априорных суждений, основанных на субъективных оценочных суждениях о той или иной степени индивидуального конформизма) на большие совокупности.

Подходя к описанию современных поколений русской интеллигенции, автор, вслед за А. С. Ципко, сетует на парадоксальную ситуацию отчуждения от народа интеллигенции, претендующей на роль элиты, предлагая различать интеллигентскую элиту и основную массу рядовой интеллигенции (учителя, врачи, библиотекари и другие служители культуры, многие из которых (далеко не все!) продолжают свою интеллигентскую миссию). Так вырисовываются три образа интеллектно-этической, по выражению автора, элиты поколения восьмидесятников: интеллектуальная бизнес-элита; интеллектуальная постмодерн-элита; отсутствующая интеллигентская элита (вакансия).

А. В. Соколов поясняет, что "отсутствующую интеллигентскую элиту замещает неэлитарная интеллигенция интеллектного слоя, в том числе культурные подвижники и культурные лидеры регионального и корпоративного уровня", а затем заявляет, что есть основания предположить, что именно среди последних преобладают интеллигенты-альтруисты (?), благоговейные перед отечественной культурой.

В заключение автор "мучается" вопросом: удалось ли хоть частично, хоть немного рассеять "мглу противоречий" вокруг феномена русской интеллигенции? Он чистосердечно полагает, что полностью избавиться от мифологического субъективизма по-видимому не удастся никогда, но желательно отдавать себе отчет, насколько объективны наши знания об интеллигенции, полагая, что можно выяснить, по крайней мере, насколько привлекателен образ интеллигента для молодежи. Обращение за ответом к студентам-гуманитариям с четырьмя (?) вопросами социологической анкеты дало автору основание для оптимизма, так как полученные ответы показали, что хотя бы опрошенные молодые россияне (сколько их было, каковы были принципы построения "выборки", мы не знаем - Н. М.) в большинстве своем воспринимают интеллигентность как привлекательную ценность. Однако это обстоятельство никоим образом не проясняет того, как именно и различают ли молодые респонденты понятия интеллигенты и интеллектуалы, и с какой социальной стратой они себя идентифицируют.

Насколько адекватно приводимые на страницах книги, формулы, схемы и типологии интеллигенции (равно как и критерии интеллигентности и интеллектуальности, лежащие в основании этих типологий - Н. М.) соответствуют решению целевых задач исследования и являют собой отражение заявленной во введении ее методологической ценности, судить заинтересованному и требовательному читателю. Мне же оста-

ется лишь закрыть книгу, еще раз перечитав последний абзац, в котором содержится ответ автора на его же риторический вопрос - будущность молодежи (будущих интеллигентов и/или интеллектуалов-гуманитариев - Н. М.) наших дней окутана той же "туманной противоречий", что и судьбы русской интеллигенции. Но при этом А. В. Соколов оптимистически убежден, по крайней мере, в том, что методологические основы, разработанные и апробированные им при анализе истории российских интеллигентов и интеллектуалов, могут послужить отправной точкой исследования будущего русской интеллигенции.

Н. Р. МАЛИКОВА, доктор социологических наук, профессор

Цымбаленко С. Б., Шариков А. В., Щеглова С. Н. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОГО ПОДРОСТКА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ). М., 2006. 128 с.

Данное исследование вносит существенный вклад в расширение представлений об отношении подростков к средствам массовой коммуникации, опираясь на результаты исследования, проводившегося с 1990 по 2004 гг.

Что же предпочитают современные подростки, живущие в развивающейся медиасреде? Одним из главных достоинств книги является то, что исследователям удается поколебать ряд мифов, существовавших в данной области знания. Первый из них утверждает, что юная аудитория подвержена информационному влиянию телевидения. Результаты же исследования говорят, что для юных важнее оказываются сведения об их сверстниках. Второй миф: на телевидении, мол, не обязательны программы для детей и подростков, а также специализированная печатная продукция. Авторы показали, что "полноценная и качественная духовная пища имеет не меньше значения для становления и развития юного гражданина, чем обычное питание для жизни и физического развития" (с. 2). Это, разумеется, не все мифы, существующие в отношении информации и ее источников, которые подростки используют для своего развития. Например, вопрос о месте Интернета в социализации младших школьников, и есть ли угроза "ухода" книги в прошлое и замена ее электронными источниками? Похоже, Интернетом дети пользуются в основном для просмотра игровых сайтов, а не для чтения.

Авторы исследования предлагают взгляд на информационное пространство современных школьников, во многом отличающийся от общепринятых стереотипов, а также на механизмы социализации, которыми в данном случае выступают телевидение, книги, журналы, и на агентов социализации - учителей, сверстников, родителей. Очевидно, что современные информационные технологии (ИТ) меняют образ жизни россиян, а молодежь, как наиболее чувствительная к нововведениям, понимает их и привыкает к ним быстрее. К сожалению, молодежь, в частности дети и подростки, редко становятся центральными фигурами опросов и исследований. Авторы пытаются разобраться в развитии системы "подросток - информационное пространство - общество", а также прослеживают динамику взаимосвязи подростков и информационной среды за годы исследования.

Данные, приведенные в качестве доказательной базы, представлены преимущественно в виде таблиц и сноска на полях, высказываний респондентов и охватывают разные стороны жизнедеятельности молодого поколения: от просмотра телепередач, чтения книг, журналов. По результатам исследования делаются неутешительные выводы о том, что за период с 1998 по 2005 гг. наблюдается постепенный уход от чтения книги, как значимого источника информации, к электронным медиаресурсам (компьютер, Интернет). Опрос показал, что чтение книг более значимо для школьников. А если сравнивать сельских и городских жителей, то оно распределяется почти поровну,

небольшой перевес на стороне сельчан. По мнению исследователей, это в силу того, что не во все поселения с малой численностью дошли новые технологии (Интернет).

Авторам удалось не только выделить основные информационные источники, но также показать насколько досуговые коммуникационные каналы совпадают, с одной стороны, с теми, которые подростки сознательно выбирают в качестве источников информации, и, с другой, - с теми информационными каналами, которые традиционно должны обеспечивать их образование и воспитание. Это - своего рода первые агенты социализации. Они отмечают новое явление, которое представляет собой противоречивый процесс, когда наблюдается расширение информационного горизонта и параллельное наличие девальвации источников информации. Исследователи делают вывод о том, что, с одной стороны, телевидение, перестав, как некогда, доминировать среди каналов значимой для общества информации, постепенно начинает играть роль канала спонтанного информирования в сфере развлечения. С другой стороны, существенно увеличилась информирующая роль детских и юношеских телепрограмм, книг (не учебников), детских и юношеских изданий, а также кружков, секций и объединений, детских и юношеских радиопередач.

Рассматривая вопрос о степени важности информации, авторы выяснили, что подростки живут сегодняшним днем, именно сегодня им хочется стать взрослыми, самостоятельными. Этот интерес специфичный, поскольку подростки хотят знать, прежде всего о себе и своих друзьях, о подростковом социуме и его субкультуре, и одновременно с этим хотят сами делать эту субкультуру. Один из авторов, А. В. Шариков провел контент-анализ самодельных детско-юношеских изданий, написанных в период с 1991 по 2005 гг. Он выявил, что подростки младшего возраста описывают, главным образом, события личного, обыденного масштаба (84%). В группе старших подростков растет описание ближайшего социума (40%). У юношей появляется интерес к событиям международного масштаба (2%). В итоге описание событий разного масштаба становится более сбалансированным и разнообразным. Изучение разных подгрупп молодежи принципиально, так как у каждого возраста свои особенности.

Важно, по-моему, что авторы дают конкретные советы по решению проблем доступа подростков к информации. По их оценкам налицо нереализованные возможности установления диалога с подростковой аудиторией через специализированные детские и юношеские средства массовой коммуникации, поскольку анализ сетки вещания основных телевизионных каналов показывает, что коммерческие интересы вытеснили из прайм-тайма практически все детские и многие семейные передачи. Их вывод, исходя из полученных результатов, таков: *подростки принимают и усваивают, сознательно или спонтанно, предоставляемую им информацию, если она актуальна, эмоционально окрашена, опирается на конкретный жизненный опыт близких по возрасту социальных групп и связывает знания с реальными судьбами референтных для них людей.*

Издание, несомненно, заинтересует читателей разных социальных статусов. Родители увидят мир подростков "детскими" глазами, возможно, это расширит их представления о мире молодежи; педагоги пересмотрят существующие подходы к подаче информации подросткам; специалисты смежных наук, в том числе и психологи, найдут факты для анализа данной проблемы в рамках своей области знания.

Е. А. КОЛОСОВА, преподаватель РГГУ